

К. И. ШНЕЙДЕР

РАННИЙ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ВЛАСТЬ СВОБОДЫ ИЛИ СВОБОДА ВЛАСТИ?

Автор исследует особенности мировоззрения ранних русских либералов середины XIX столетия. Одной из наиболее сложных является проблема интерпретации многочисленных консервативных смыслов начальной концепции отечественного либерализма. Это отчетливо проявилось в соединении понятий «свобода» и «власть», неоднозначном для классической либеральной традиции. Различные коннотации этих ключевых категорий в раннем русском либерализме и стали предметом специального изучения в данной статье.

Ключевые слова: *ранний русский либерализм, свобода, власть.*

Вопрос о происхождении русской либеральной традиции остается одним из самых запутанных и дискуссионных. Предположительно во второй половине 1850-х – середине 1860-х гг. в отечественной общественной мысли появился полноценный, национально адаптированный либеральный феномен, сформировался первоначальный вариант русского либерализма. Среди его основателей — К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, которых можно назвать идейными наследниками Т. Н. Грановского. Второй эшелон ранних либералов представлен П. В. Анненковым, И. К. Бабстом, В. П. Боткиным, А. В. Дружининым, Е. Ф. Коршем.

Интерес к начальной истории русского либерализма среди отечественных специалистов появился еще в середине прошлого века. В целом, в советской историографии не подвергалось сомнению не только существование русского либерализма в середине 1850-х гг., но и наличие либеральной концепции, в которой, присутствовала утопическая идея «соединения самодержавия со свободой»¹. Эксперты отмечали динамичное развитие отечественного либерализма в середине XIX в., особенно с 1858 г., когда в нем «обнаруживаются различные оттенки и течения»². Активно поддерживался интерес к изучению теоретического наследия отдельных либеральных мыслителей в рамках биографического жанра³.

Вместе с тем, ранний русский либерализм в исследованиях советских историков воспринимался критически, был идеологически окра-

---

¹ Левин. 1974. С. 403.

² Розенталь. 1961. Т. 70. С. 222.

³ См.: Зорькин. 1975; Овчинникова. 1973.

шен и зачастую обозначался такими малосодержательными маркерами, как «дворянский», «помещичий», «буржуазный», «западнический». И все же предшествующий период в отечественной историографии, в своих лучших проявлениях, способствовал формированию представлений о раннем либерализме как о самостоятельном интеллектуальном феномене в русской общественной мысли, который характеризовался неоднородностью и немалым количеством концептуальных особенностей⁴.

Итоги изучения ранней истории либерализма российскими специалистами на протяжении 1990-х гг. приводят к мысли об отсутствии системы координат, понятного и современного методологического языка⁵. В данном случае речь идет не о «железном» единстве во взглядах и необходимости преодолеть различия. Ощущается потребность в более обоснованных подходах к таким важнейшим проблемам, как генезис русской либеральной традиции, ее периодизация и типологизация. Предложенные варианты зачастую грешат излишней приверженностью либо традиционным схемам, либо тотальной «вестернизации» истории русского либерализма. Вместе с тем, в конце 1990-х – 2000-е гг. появились работы, претендующие на глубокое осмысление накопленного опыта изучения начальной истории русского либерализма⁶.

В западной историографии интерес к истории раннего русского либерализма возник на рубеже 1950–1960-х гг. К числу наиболее очевидных достижений зарубежных коллег следует отнести определение периода его формирования и характера программных установок. К этому можно добавить удачные попытки объяснить особенности первоначальной либеральной концепции⁷. В настоящее время популярность данной темы в западном академическом сообществе резко снизилась.

Среди обсуждавшихся ранними русскими либералами проблем значительное место занимали вопросы соотношения личности и государства, власти и свободы в масштабе исторически цивилизованного мира на примере ведущих европейских стран и России. Можно ли соединить этатизм и постоянное стремление человека к свободе и независимости или это не более чем миф о «земле обетованной» русских либералов середины XIX столетия? Ответ на этот вопрос и составляет главную задачу предлагаемой статьи.

Ранние русские либералы использовали различные коннотации термина «свобода» применительно к человеку и обществу. С одной сто-

⁴ См.: *Кутаев*. 1972.

⁵ См.: *Либерализм в России*. 1996; *Русский либерализм...*

⁶ См.: *Секиринский*. 1999; *Кутаев*. 2004; *Шелохаев*. 2007.

⁷ См.: *Hammer*. 1962; *Offord*. 1985; *Walicki*. 1987; *Hamburg*. 1992; *Offord*. 1999.

роны, они не сомневались в аксиологической значимости этого идеала и убежденно заявляли: «Свобода — лучший дар, данный в удел человеку; она возвышает его над остальным творением; она делает из него существо разумное, она налагает на него нравственную печать»⁸. Либералы почитали свободу как источник любой духовной силы, неременное условие человеческой жизни, основу формирования личности. Человек в их восприятии уже по своей природе является свободным существом равным всем другим, так как человеческая свобода одинакова для всех. Более того, они отстаивали свободу человека в обществе, где, несмотря на ее ограничение, индивид в первую очередь руководствуется своими личными выгодами в момент принятия окончательного решения.

С другой стороны, отечественные либералы артикулировали идею несвободы и зависимости человека по рождению, потому что он «с колыбели является членом известного семейства, общества, государства; он подчинен семейной и общественной власти; он связан условиями и постановлениями той среды, в которой находится»⁹. Таким образом, свобода индивида в обществе ограничена не только свободой других людей, но и рамками его собственной социализации, традициями и особенностями исторического опыта, как малой группы, так и общества в целом. Обращая на это внимание, ранние русские либералы больше говорили о границах личной свободы и благоприятных условиях ее адаптации в социальной среде.

Важную роль в «правильном» восприятии свободы они отводили исторической рефлексии или размышлениям о преемственности между прошлым и настоящим. Либералы отрицали возможность общественно-го развития с «чистого листа», так как человек не в состоянии опираться исключительно на свой собственный опыт, волю и разум. Личность и общество нуждаются в осмыслении результатов деятельности предшествующих поколений. Именно в них, по мнению либералов, заключен жизненный потенциал для самосовершенствования человека и неременное условие его движения к свободе. Преемственность сохраняет связь времен и помогает преодолеть личности одиночество и бессилие.

Расцвет свободы либералы связывали исключительно с государством, за что неоднократно подвергались критике со стороны не только демократов, но и своих оппонентов в либеральной среде. Тем не менее, ранние русские либералы настаивали: «Только в государстве может развиваться и разумная свобода и нравственная личность; предоставленные

---

⁸ Чичерин. 1862. С. 185.

⁹ Чичерин. 1899. С. 41.

же самим себе, без высшей, сдерживающей власти, оба эти начала разрушают сами себя. Необузданная свобода ведет к порабощению слабого сильным; личность, выражающаяся в преимуществах чисто индивидуальных, ведет к уничтожению внутреннего достоинства человека»¹⁰.

Для ранних русских либералов релевантность государства определялась через возможность одинаково защитить как общественную волю, так и личные устремления отдельных индивидов. В противном случае любое из этих начал могло стать доминирующим социальным фактором, что неизбежно вело либо к диктатуре большинства, либо к анархии. Таким образом, либералы конструировали рационалистическую модель общественного развития, где одно из центральных мест отводилось «разумной свободе». Они уповали на спасительный для России баланс между традиционной мощью государства и самостоятельной личностью, готовой к общественным компромиссам во благо свободы. В этой связи свои надежды либералы связывали с распространением права в качестве инструмента институционализации свободы в условиях российского самодержавного, но, потенциально, просвещенного режима.

Для ранних русских либералов источником всякого права оставалась свобода, которая, с одной стороны, определялась и ограничивалась законом, а с другой — им же ограждалась и гарантировалась. Либералы считали, что именно право может обеспечить отечественной свободе необходимый общественный статус, придав ей вес государственных обязательств. Они пытались связать это с российской исторической и геополитической спецификой и акцентировали внимание на территориальных различиях как одном из важных условий развития свободы. «На тесном пространстве земледельческий народ может дать свободе весьма крепкие основы, но обширные страны с преобладающим земледельческим характером медленнее всех двигаются на пути совершенствования и свободы. Таково именно положение России»¹¹, — полагал Чичерин.

Институционализация свободы в правовых отношениях естественным образом актуализировала тему политической свободы. Русские либералы воспринимали ее как высший результат развития личной свободы и важный источник политического права. Возможно, именно в этом вопросе они наиболее отчетливо продемонстрировали свою умеренность, и даже определенный консерватизм, ставший объектом постоянной критики со стороны их политических оппонентов и современных исследователей, занимающихся проблемой генезиса отечественной

---

¹⁰ Чичерин. 1858. С. 368-369.

¹¹ Чичерин. 1899. С. 585.

либеральной традиции. В частности, ранние русские либералы открыто сомневались в целесообразности политической свободы в так называемых «незрелых обществах», где нет безопасных условий ее существования для государства в целом. Чичерин не отрицал очевидной выгоды свободы для развитых стран, готовых к совершенствованию своей политической инфраструктуры через представительные учреждения, но одновременно предупреждал о серьезной опасности преждевременного копирования их опыта в широких географических масштабах.

Ранние либералы постоянно акцентировали внимание на идее социального неравенства, вырастающего из врожденных и имущественных различий между людьми, что всегда было причиной «общественного неравенства, возвышения и первенства одного слоя общества над массой народонаселения»¹². В таких условиях требуется длительный период исторического взросления «незрелых обществ» с обязательной прививкой политической свободы. В конце концов, по мнению либералов, это поможет выработать стойкий иммунитет против анархии и радикализма, а также сохранить необходимый баланс общественных сил. А пока лучше набраться терпения и доверить решение политических проблем подготовленному меньшинству. Вообще либералы рассуждали о политике как о сфере умственной деятельности, в которой есть место только для немногих посвященных. Поэтому «при всех достоинствах, демократия не может быть идеалом человечества. По идее, в государстве должна владычествовать разумная его часть, а не наоборот»¹³.

Неприязнь либералов к демократии носила не концептуальный, а скорее ситуативный характер, связанный с распространением революционных взглядов в русском образованном сообществе. Практически всегда они отождествляли демократию с радикализмом, полагая, что демократические порядки неизбежно приведут к господству бедных над богатыми, уничтожению аристократии, анархии, разрушительным социальным последствиям и деспотизму. В связи с этим вполне объяснимо желание русских либералов сохранить монархический режим в России, правда, в более просвещенном виде. Для них отдаленное политическое будущее страны ассоциировалось с утверждением представительной монархии, гарантирующей, с одной стороны, развитие свободы, а с другой — порядок и права разумного аристократического меньшинства. Несложно догадаться, что «политической Меккой» ранних русских либералов являлась Британия, с ее уникальным историческим опытом.

---

¹² Кавелин. 1898. Т. 2. С. 113.

¹³ Чичерин. М., 1899. С. 101.

В конечном счете, близкое знакомство с европейской политической культурой определяло и постоянно корректировало характер и содержание мировоззренческих установок отечественных либералов, в том числе и по отношению к российской действительности. Например, среди основных рецептов ее преобразования в арсенале либералов имелись гражданская свобода и просвещение. Они считали, что «поднять уровень народной нравственности можно не кровавым уголовным законодательством, не более или менее строгими телесными наказаниями, но гражданской свободой, развитием в народе сознания его прав, чувства собственного достоинства, а главное — образованием, народ, знающий свои права, необходимо будет знать и обязанности»¹⁴.

Таким образом, ранние русские либералы в любой ситуации оставались апологетами свободы, но всегда выражали серьезные опасения по поводу ее безграничного развития вообще и в российских условиях, в частности. Их формула, скорее всего, это «власть разумной свободы» в обществе, где она связана со свободой других людей и существует под сенью гражданского закона. В свою очередь закон немислим без власти, его охраняющей, а значит свобода сосуществует с властью всегда и везде. И первой обязанностью любого человека является уважение ее полномочий, так как свобода «приобретенная насилем, часто ведет к анархии, свобода же, установленная законом, ведет к уважению закона и права»¹⁵.

Не удивительно, что наряду со свободой в лексиконе ранних русских либералов часто встречается понятие «власть» в значении главной организующей силы в обществе, обеспечивающей возможность его существования. Они много размышляли над проблемой генезиса государства и историей формирования верховной институциональной системы, неизменно восхищаясь этими результатами человеческой деятельности. Из грубой силы, решавшей примитивные задачи человеческого выживания, власть постепенно превратилась в незаменимый инструмент общественного регулирования с правительственным статусом¹⁶.

Закономерно возникал вопрос о роли государственной власти в исторической судьбе разных народов. Несмотря на то, что главные дейст-

---

¹⁴ *Бабст*. 1858. С. 406.

¹⁵ *Чичерин*. 1858. С. 42.

¹⁶ «Посредство между членами общества, их защита, мало по малу естественно приводят власть к другой, несравненно высшей, труднейшей задаче, и исторически подготовляют к ее разрешению. Эта задача — соглашение разнородных, враждующих элементов общества, приведение их к единству, направлению к одной цели», — считал Кавелин. ОР РГБ. Ф. 548. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 16.

вующие лица в раннем русском либерализме традиционно придерживались этатистских воззрений, эта проблема в 1857–1858 гг. вызвала известную дискуссию о преимуществах и недостатках централизации в обществе. Чичерин, поддержанный Коршем, выступил апологетом усиления государственного регулирования, тогда как Кавелин согласился с мнением М. Н. Каткова, известного англomана и редактора «Русского вестника», о вредных последствиях такой политики. Наметившиеся разногласия следует отнести к числу свидетельств неоднородности и вариативности формировавшегося раннего русского либерализма.

Вместе с тем, первоначальная отечественная либеральная концепция в своем окончательном виде базировалась все же на точке зрения Чичерина. Он был убежден, что обширное государство неизбежно нуждается в более сильной власти, так как в нем «общественные элементы разнообразнее, разрозненнее, имеют между собой менее тесную связь, и потому требуют большего внешнего скрепления»¹⁷. Кроме того, в своей аргументации в пользу централизации Чичерин обращал внимание на традиционную для больших государств незрелость социальной структуры и системы образования, отсутствие личной инициативы и успехов в практической деятельности. Наконец, сила власти особенно востребована в переходные эпохи с ее неустойчивой динамикой общественного развития. Все это в полной мере относилось к России середины XIX в.

Вообще, разногласия по вопросу о роли государства в либеральной среде носили скорее тактический характер и не ставили под сомнение сам факт государственного участия в решении стратегических проблем, особенно в условиях российской действительности кануна Великих реформ. Все либералы одинаково понимали нюансы и особенности исторического пути развития России, в котором для них соединились громадные территории, скудость народонаселения, трудности диалога с Европой, открытость азиатскому влиянию. Большинство ранних русских либералов готовы были согласиться с Чичериным, утверждавшим: «Власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития; власть насильно насаждала просвещение, обнимая своей деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта»¹⁸.

Кроме того, позиция Чичерина, наиболее последовательного адепта верховной власти в либеральной среде, отличалась концептуальностью, лишенной вульгарного догматизма, свойственного многим совре-

---

¹⁷ Чичерин. 1862. С. 165.

¹⁸ Там же. С. 166.

менным ему консервативным мыслителям. В частности, он различал государство и общество, наделяя первое функциями защиты интересов социума в целом, и оставляя значительный простор для развития свободы в рамках частных союзов вплоть до каждой отдельной личности. Для этой сферы Чичерин использовал понятие гражданское общество и противопоставлял его политическому, в котором свобода и личные интересы граждан подчиняются исключительно власти и закону. Вместе с тем, он подчеркивал равную значимость обеих составляющих «народного союза» и не мыслил без них полноценной человеческой истории.

Одновременно эти размышления не снимают другой проблемы — идентификации всего комплекса политических воззрений Чичерина, наполненного, среди прочих, идеями монархического правления, элитарности и аристократизма. Именно в этой части мировосприятия он предоставил наибольший простор для своих критиков, как в прошлом, так и в настоящем. До сих пор не прекращаются дискуссии о принадлежности Чичерина к «либеральной партии» и попытки записать его в когорту российских консерваторов.

В одной из программных работ Чичерин нарисовал собственный идеал политического устройства, в котором государственная власть «единая и верховная, воплощается в монархе, стоящем на вершине здания; свобода находит себе орган и гарантию в народном представительстве; высшая политическая способность получает самостоятельный вес в отдельном аристократическом собрании, и над всем царствует закон...»¹⁹. Фактически речь шла о представительной монархии как наиболее близкой к совершенному образу правления, воплотившемуся в Британии и пока еще недоступному для отечественной государственной системы. В России даже либерал, по мнению Чичерина, весьма избирательно чтит закон и вечно сетует на притеснения государства.

Не удивительно, что Чичерин долгое время отказывался верить в перспективу утверждения представительных начал в России в обозримом будущем, так как видел в них одновременно и выражение свободы, и орган власти, а также механизм возведения свободы на государственный уровень. Такое дуалистическое восприятие сущности представительства неизбежно предполагало длительную подготовительную работу социума по ее практической реализации. Вместе с тем, Чичерин прекрасно осознавал необходимость поступательного развития общества, ограниченного лишь потребностью благополучно преодолеть основные опасности на этом пути — хаос и анархию: «Где нет партии прогресса, там народ по-

---

¹⁹ Чичерин. 1899. С. 127.

гружается в восточную неподвижность; но где нет охранительной партии, там общественный быт представляет только бессмысленный хаос, вечное брожение, анархию, немислимую в разумном общежитии»²⁰.

В целом, Чичерин признавал за верховной властью определяющую роль в обустройстве жизненного пространства человека, особенно в политической сфере. Однако он акцентировал творческие возможности государства, а не создавал пугающий образ всемогущего Левиафана. Чичерин наделял его высоким смыслом, подчеркивая, что государство — плод человеческого сознания, произведение разумной природы и может целенаправленно воздействовать на окружающую действительность, преобразая ее ради важных и достойных целей. Его знаменитая формула «либеральные меры и сильная власть» стала основой концепции «охранительного либерализма», в которой государство выступало в качестве гаранта социальной стабильности и, вместе с тем, главной креативной силой развития общества, способной защитить его от «воплей реакционных партий». С другой стороны, все это вовсе не исключало наличие у Чичерина изрядной доли консервативного скепсиса и очевидных этактистских настроений. Виной тому, скорее всего, пугающая перспектива социальных потрясений в России. Он считал, что революционный путь всегда и везде происходит по схожему сценарию. Сначала «упорная охранительная система ведет к переворотам; переворот, если только он не ограничивается одной сменой правителей, порождает анархию, анархия же ведет к диктатуре, которая в свою очередь уступает место более правильному ходу»²¹.

Но в этих рассуждениях Чичерина, пророческих для последующей российской истории, привлекает внимание, прежде всего, их отправная точка — ультраконсервативный политический режим, непросвещенный и неспособный к модернизации. Чичерин в равной степени опасался как неповоротливого отечественного «самодержавного монстра», так и распространения революционных настроений в обществе. К тому же канун Великих реформ стал временем великих надежд и ожиданий, особенно в либеральной среде. Чичерин среди всех своих единомышленников являлся, пожалуй, самым последовательным ценителем и защитником достижений той эпохи грандиозных и знаковых для России преобразований, начавшихся с отмены крепостного права. Поэтому его увлечение государственным участием в развитии общества в данный период выглядит вполне объяснимо.

---

²⁰ Чичерин. 1862. С. 150.

²¹ Чичерин. 1858. С. 42.

Формирование теории и процесс конституирования русского либерализма в отечественной общественной мысли завершились в 1860-х гг., когда появилась концепция «охранительного либерализма» Чичерина. В ней впервые в концентрированном виде были изложены основные положения либеральной национальной версии, которую удачно дополняли экономические, исторические и социокультурные идеи других ранних либералов. Центральной для них являлась проблема соотношения категорий свобода и власть, особенно применительно к российской действительности.

В итоге можно предположить, что, несмотря на бурные дискуссии, возобладали точка зрения Чичерина. По его мнению, одного желания свободы даже либерально мыслящих людей явно недостаточно для ее водворения в обществе, так как «свобода имеет свои жизненные условия, независимые от воли, коренящиеся в народном духе, в общественном быту, в естественном составе государства, в состоянии сословий и партий, иногда даже в отношениях к соседям. Без этих условий всякая попытка водворить свободу ведет только к сильнейшему деспотизму»²².

Восприятие свободы ранними русскими либералами опиралось на определенную историческую и географическую шкалу измерения: то, что естественным образом сложилось в Британии, не может быть искусственно привито в России. Поэтому они пропагандировали культ «разумной свободы», которая должна защищаться властью закона и оберегаться государством, прежде всего, от опасных попыток ее вульгарного толкования и неправильного применения. Особенно актуальным для России «мирное сосуществование» свободы и власти было накануне и в период проведения Великих реформ, подаривших стране редкий исторический шанс на цивилизованное будущее. Скорее всего, «власть разумной свободы» и «свобода разумной власти» вполне соответствовали духу и букве концепции раннего русского либерализма.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабст И. К.* Три месяца за границей. Письмо первое // Атеней. 1858. № 42.
- Зорькин В. Д.* Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М.: Изд-во Московского университета. 1975. 171 с.
- Кавелин К. Д.* Дворянство и освобождение крестьян. Собрание сочинений. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича. 1898. Т. 2.
- Китаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2004. 380 с.

---

²² Чичерин. 1861. С. 13.

- Китаев В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х годов XIX века. М.: Мысль. 1972. 288 с.
- Левин Ш. М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX — начало XX века. Л.: Наука. 1974.
- Либерализм в России / Отв. ред. В. Ф. Пустарнаков и И. Ф. Худушина. М.: Издательство института философии РАН. 1996. 448 с.
- Овчинникова А. С.* Из истории общественно-политической борьбы 1840–1860-х годов (общественно-политические взгляды К. Д. Кавелина): Дисс... канд. ист. наук. Саратов, 1973.
- Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 16.
- Розенталь В. Н.* Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х годов XIX в. // Исторические записки / Отв. ред. А. Л. Сидоров М.: Издательство АН СССР. 1961. Т. 70.
- Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Матер. междунар. науч. конференции / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН. 1999.
- Секиринский С. С.* Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда). Дисс... докт. истор. наук. М., 1999.
- Чичерин Б. Н.* Духовные и договорные грамоты Великих и удельных князей // Опыты по истории русского права. М.: В типографии Эрнста Барфкнехта и комп. 1858. С. 368–369.
- Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. 1899.
- Чичерин Б. Н.* О политической будущности Англии // Очерки Англии и Франции. М.: В типографии Эрнста Барфкнехта и комп. 1858.
- Чичерин Б. Н.* Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М.: В тип. Грачева и комп. 1862.
- Чичерин Б. Н.* Что такое охранительные начала? // Несколько современных вопросов. М.: В тип. Грачева и комп. 1862.
- Шелохаев В. В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3-16.
- Hamburg G. M.* Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866. Stanford: Stanford University Press, 1992. 443 p.
- Hammer D. P.* Two Russians Liberals: The Political Thought of B. N. Chicherin and K. D. Kavelin (Ph.D. diss., Columbia University, 1962). 403 leaves.
- Offord D.* Nineteenth-century Russia: opposition to autocracy. N.Y.: Pearson Education. 1999. 144 p.
- Offord D.* Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Drushinin and K. D. Kavelin. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. 281 p.
- Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford: Oxford University Press 1987. 477 p.

Шнейдер Константин Ильич, к.и.н., доцент кафедры древней и новой истории России историко-политологического факультета Пермского государственного университета; kshnevder@yahoo.com.